тихо и кротко, никто ево не видал и в храмину вшел и увидел девицу едину, седящу в вызбе, и ткаше полотно, а пред нею заец скачет. Девица же нача глаголати: «О, несмысленный и неразумный муж, почто тако, не обсылаючися, вшел семо ко мне. И невозможно бо есть во всяком доме быти без ушей, а в храмине без очей». Клеврет же не разуме глаголемых от нея и рече: «Девице, повеждь ми господа ради, где есть господин и жена его дому сего?». Она же отвеща ему: «Отец мой и мати пошли в добрые люди взаем плакати, а брат мой пошел в лес чрез ноги зрити в нави». Юноша же, слышав, и не разуме словес ея, зело подивися разуму ея и рече: «Аз вижю тя премудру и разумну, слышах от уст твоих мудрыя словеса, аз же
л. 167 об. не могу их разумети». Девица же рече ему: || «Человече, сего ли ты не разумееши, что глаголю, все препросто, аз ти повем и скажю ти. Пришел бо еси ты в дом ко отцу моему, не обсылаючис, да вшел в храмину и увидял меня в таковой простоте седящу за станом и ткущу полотно, безобразну и красоты лишенну. Аще бы да пес был у нас в доме, и он бы тебя облаял на дворе, а я бы услышала и поопасилась бы: то бо всякому человеку глас бысть и провозвестник, пес в доме слышание и уши, а очи в доме — кошка. А отец[3] и мати оба вкупе поидоша на погребение к соседу умершего погребати, сиречь, взаем плакати. А когда преставится, и к нам такожде приидут на погребение и по них станут плакати. То именуется заемный плачь. А брат мой древодель пошел в лес, а лести ему на великое и высокое древо, а с высоты вниз зрети на землю, дабы не упасти з древа».
л. 168 Рече же юноша: «Зело ты смысленна и премудра. || Поведай ми, како ти имя?». Она же рече: «Имя мое Феврония, а ты откуду семо пришел и како имя твое и коего града и страны или веси житель и куды путь твой предлежит, повеждь ми все господа ради, и сюды в дом ко отцу моему чего ради пришел». Юноша же рече ей: «Аз ти все повем о себе: аз есмь послан от превелика и славна и честна мужа, от муромскаго князя Петра, а он ныне в великой скорби и в болезни и во многих язвах, тело его струпы великие имать на себе, опрысне кровию от летящаго змия, князь мой Петр мечем Агриковым острым на полы рассече; а в то время змей опрыснул лице его кровию своею, от того он и острупел, а ныне люто скорбит, и послал мя искати врача добраго и хитраго, дабы ему исцелитися. И того ради аз семо приидох послан искати добраго врача исцеления ради. И слышно князю нашему, что де здесь есть много хитрых и мудрых людей, а я их не знаю, где они живут и како их зовут. И ныне аз молю
л. 168 об. милость || твою, повеждь ми господа ради о них». Она же рече ему: «Аще бы кто требовал князя вашего Петра, то бы мог ево исцелити». Юноша же рече ей: «Аще бы да мочно кому князя нашего исцелити, и он бы много дал ему злата и сребра и всякого имения и богатства. Скажи ми ты искусна и мудра мужа и хитра и духовна врачя». Она же рече ему: «Привезите сюды князя Петра вашего, и господь бог да исцелит его и уврачует, аще будет тих и кроток и смирен и богобоязнив и лехкосерд в ответех, да будет исцелен». Юноша же скоро возвратися ко князю с радостию и поведа ему все по ряду, яже видя и слыша. Благоверный же князь Петр услыша про девицу такие глаголы, зело подивися разуму ея и премудрости и рече к предстоящим, да везут его до тоя девицы. И привезоша близ дому ея. Князь же посла к ней юношю вопросити ю о враче добром. Она же рече: «Иди, чадо, и скажи князю своему, яко аз хочу ево врачева-
л. 169 вати, || а имения его, злата и сребра не хощу от него взимати. Толко есть слово единое до него, и сама ему изреку и супруга хощу ему быти, да божиею помощию могу ево управити и скорбь ево уврачевати». Юноша же,

[3] *Испр.*; *в ркп.* оц.